

УДК 340.15

DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-12

Оганесян Армен Кароевич,
руководитель департамента
биомедицинских, ветеринарных
и экологических направлений
Сочинского института (филиала) РУДН,
354000, г. Сочи, Центральный район,
ул. Роз, д. 14,
email: armenoid1986@rambler.ru

Oganesian, Armen K.,
Head of the Department
of Biomedical, Veterinary
and Environmental Directions,
Sochi Institute (branch) of RUDN,
14 Roz Str., Central district, Sochi,
354000, Russian Federation,
email: armenoid1986@rambler.ru

ТЕОКРАТИЧЕСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ Н. А. ЗАХАРОВА

THEOCRATIC LEGAL UNDERSTANDING OF N. A. ZAKHAROV

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются взгляды и идеи теократического характера видного русского правоведа Николая Алексеевича Захарова (1883–1928). Автор делает вывод, что в концепции царской власти, разработанной правоведом, лежит уважение к свободе личности, достоинству и правам человека, свойственным христианской правовой культуре. С другой стороны, важным следует признать и уважение Н. А. Захарова к традициям народа, его обычаям и нравам, сформированным на религиозной почве. Синтез этих двух измерений государства и права позволил ученому создать оригинальную концепцию самодержавия в России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовые учения; теократическое правопонимание; правосознание; теократия; государственно-правовой идеал; правовые ценности.

ABSTRACT. The work examines theocratic views and ideas of prominent Russian jurist Nikolai Alekseyevich Zakharov (1883–1928). The author concludes that the concept of tsarist power, developed by the jurist, is based on respect for individual freedom, dignity and human rights, inherent in Christian legal culture. On the other hand, it is also important to recognise Zakharov's respect for the people's traditions, customs and mores, formed on religious grounds. The synthesis of these two dimensions of the state and law allowed the scientist to create an original concept of autocracy in Russia.

KEYWORDS: legal doctrines; theocratic legal understanding; legal consciousness; theocracy; state-legal ideal; legal values.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Оганесян, А. К. Теократическое правопонимание Н. А. Захарова [Текст] / А. К. Оганесян // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2022. – Т. 9, № 1. – С. 93–98. – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-12.

FOR CITATION:

Oganesian, A. K. Theocratic Legal Understanding of N. A. Zakharov [Text] / A. K. Oganesian. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. – 2022. – Vol. 9, No. 1. – P. 93–98 (in Russian). – DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-1-12.

Наиболее ярким и последовательным теоретиком самодержавной теократии и теократического правопонимания следует признать Николая Алексеевича Захарова (1883–1928). Его работа «Система русской государственной власти» посвящена одной из самых серьезных и сложных теоретических проблем отечественного государственного права после 1905 года: по какому пути развиваться монархической форме правления и на какой основе строить систему распределения государственной власти и ее ветвей [4].

О биографии Н. А. Захарова известно крайне мало; важно учесть, что мыслитель был сторонником консервативных концепций государства и права, но однозначно не приветствовал ни славянофилов, ни западников, полагая, что исследовать русское государственное право необходимо вне сопоставления с кем-либо [6]. Его учителем был, вероятнее всего, Петр Евгеньевич Казанский (1866–1947), один из самых известных правоведов дореволюционной и послереволюционной России, юрист-международник и государствовед, декан юридического факультета Императорского Новороссийского университета. Ему принадлежит заслуга обобщения всех известных на период 1900–1913 годов учений о самодержавной власти, с выделением главного – смысла Основных законов и государственно-правовых традиций русского народа. Своей целью он ставил изучение правовых аспектов самодержавной власти.

Н. А. Захаров окончил Новороссийский университет и в начале 1910-х годов преподавал в Практической восточной академии Санкт-Петербурга. Помимо исследований в области государственного права, Захаров отличился и глубокими работами в сфере международного права [1–3]. Конец карьеры ученого приходится на период его работы в Краснодаре в двух вузах: Кубанском сельскохозяйственном и Кубанском педагогическом институтах.

Ученый в основу своего исследования самобытности государственной власти и государственного права России положил идеи, которые были весьма распространены благодаря работам исторической школы права – Гуго, Савиньи и Пухты, хотя прямо на них он не ссылаясь. Дело в том, что в Германии критика естественно-правовых концепций правового государства была построена на апелляции к

национальному историческому опыту государственно-правового строительства: без опоры на народный дух, правовой менталитет и народный правовой обычай никакая власть не может твердо и последовательно осуществлять государственно-правовое строительство. Не следует воспринимать как святыню концепции юридических понятий, составленных иностранными учеными, полагает Н. А. Захаров [4]. Более того, робость перед западными теориями и отсутствие самостоятельных концепций крайне вредит отечественной науке, полагал мыслитель. Наука должна рассматривать не только западные модели, но и иные виды в качестве теоретических моделей. В противном случае наука рассматривает вместо того, что есть, то, что должно быть. Каждое государство, как и каждая личность, полагает ученый, имеет право на свободное развитие и наличие индивидуальных особенностей, а в расчет государственно-правового моделирования необходимо включать особенности быта и национальной психологии [4].

Автор сочинения о государственном праве России и государственной власти с точки зрения разграничения юридических полномочий и обязанностей исходит из обстоятельства, которое зачастую игнорируется представителями юридической науки, концентрирующими внимание на внешних, формально-юридических особенностях регулирования власти. Отечественных правоведов Захаров рассматривал и критиковал в контексте излишней увлеченности новейшими теориями и оторванности юридических конструкций от реальной жизни в силу поклонения перед успехами западной правовой мысли. Захаров не согласен был с идеями Руссо, Монтескье, Канта и либеральных ученых о необходимости в каждом государстве наличия системы трех ветвей власти. Ученый настаивал на том, что модель разделения властей необходимо строить не на универсализме западных моделей правового государства либерального толка, а на основе собственного богатейшего опыта политической и правовой культуры. Он, помимо трех ветвей власти, привычных для теоретиков государственного права начала XX века, выделил еще и власть самодержавную. Самодержавная власть, в его понимании, является результатом многовекового развития отечественной государствен-

ности, коренится в истории нашего права. Наука государственного права не должна идти по пути слепого копирования тех основных принципов, которые лежат в основе западных европейских государств, но обязана учитывать национальный психологический опыт, правосознание своего народа.

Правовед полагал необходимым исследовать государственный строй в неразрывном единстве с национальной историей. При этом следует учитывать характер русской государственной власти и тех влияний, которые определяли ее восприятие. Русская система государственной власти в учении Захарова предстает результатом развития и влияния Византийской идеи императорской власти – идеи религиозной автократии, получившей духовное и нравственное обоснование в сочинениях русских книжников и летописцев: «монархизм, как единственно возможная основа государства, составлял фундамент политического мирозерцания древнего книжника, воспитанного и выросшего на византийских идеалах государственного устройства» [4, с. 41].

Если на Западе существовал феодализм, который возник в результате борьбы короля с аристократией, с крупными землевладельцами, то в России княжеская власть, базирующаяся на основе наследственной вотчины, не носила на себе отпечаток борьбы классов, вражды между королем и феодалами, а также Папой Римским и королями. В России власть была основана на особом характере поземельных отношений, имевших частнопроводную или даже семейно-правовую форму организации, что еще более усиливало восприятие государства как большой семьи. Московские и иные князья воспринимали наследованную и приобретенную землю как личную собственность, которую они могут передавать по наследству своим сыновьям. Иными словами, они воспринимали Русь как свою отеческую землю, землю, переданную им отцами. Впоследствии за верную службу земля передавалась наиболее верным слугам государя, поэтому помимо вотчинного владения возникает поместье. «Это смешение национального частнопроводного характера власти и византийского религиозного автократизма и легло в основание нашей идеи о Верховной власти и нашем государственном строе» [4, с. 41]. Что касается различных обя-

занностей государя, то они проистекали из религиозного принципа. Отечественное самодержавие развивалось вплоть до XVII столетия под влиянием двух начал: поземельного и религиозного. При этом первое зависело от второго, теократического понимания власти. «Царь с точки зрения общенародного представления не есть исключительно господин, как это существовало на Западе, а вместе с тем отец и благодетель своих подданных, – такой взгляд существовал на московского царя и так народ смотрел, например, еще на Иоанна Грозного» [4, с. 50]. Теория царской власти строилась на трех идеях: восточно-византийского представления о неограниченности власти, общегосударственного всеобщего тягла и церковного благословения, возвышавшего в глазах населения царя над уровнем обыкновенных людей. Западная абсолютистская монархия постепенно стала монархией эгоизма и защитницей классовых интересов, а в России монархией альтруизма без различия классов. Самодержавие мыслится как антитеза западному своеволию и самочинию.

Родовая аристократия в России развивалась на принципе служения Богу и государю, а на Западе родовая аристократия развивалась на основе конкуренции с королевской властью. Поэтому два разных принципа формировали правовую культуру и государственное право. Данная система начала рушиться только при Екатерине II, освободивший дворян от обязательной службы.

Говоря о самодержавной власти, Захаров акцентирует внимание на том, что данное понятие нельзя рассматривать только как координирующую власть. По его мнению, самодержавная власть является основной и единственной, которая может спасти государство в чрезвычайной момент государственной жизни. Именно в такие периоды верховная власть принимает на себя абсолютную диктатуру в процессе принятия решений, так как в противном случае любое промедление и консультации могут привести к гибели государства.

Надо отметить, что эту идею Захаров сформулировал задолго до появления политической теологии Карла Шмитта. В его учении о суверенитете центральное место занимает вопрос о том, кто принимает решение о чрезвычайном положении. Кроме того, значим и вопрос об

исключительном случае. Данные понятия необходимы для постижения природы государственной власти и права. «Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» [9, с. 57]. Исключительный случай, как случай, не зафиксированный в действующем праве, который может быть либо чрезвычайным, либо крайне необходимым, либо угрожающим безопасности государства, актуализирует вопрос о суверенитете и его носителе.

Самодержавная власть в учении Захарова не может быть полностью определена юридическими терминами, так как представляет собой учредительную, примиряющую, олицетворяющую государство власть. Кроме того, в жизни каждого государства случаются исторические моменты, когда кто-то должен взять на себя высшую ответственность за принятие решений. Данная концепция самодержавной власти едина с концепцией царской прерогативы, о которой писал Лев Тихомиров: именно государь отвечает за выход и поиск решения чрезвычайных ситуаций [8, с. 23]. В обычном порядке царская прерогатива не нужна, но каждое государство, попадая в чрезвычайные ситуации, нуждается в оперативном государственном управлении. В этих чрезвычайных обстоятельствах особенно явно проявляется персонификация категории суверенитета. В условиях нарушения обычного и предусмотренного законами хода развития событий требуются творческие нестандартные решения, не предусмотренные и не прогнозируемые действующим законодательством. Именно в эти моменты верховное правотворчество государя становится спасительным для государства, хотя бы оно и не было соответствующим юридическим процедурам.

Власть государя императора в учении Захарова имеет божественное освещение. Неограниченность и верховенство этой власти вытекает из ее сущности.

Будучи юристом по способу мысли, Захаров отвергал романтически-идеалистические и антиформалистские убеждения М. Н. Каткова, который полагал, что истинная конституция находится в душе каждого русского человека и душе царя, в виде возложенной на него Творцом обязанности вести свой народ к благоденствию, а на каждого подданного возложена обя-

занность помогать Царю в выполнении данной обязанности. Не отрицая данного убеждения, Захаров полагал, что «как бы возвышенны ни были в сознании народа эти идеи, они получают большую силу после того, как будут облечены в формы конституционных постановлений. В Основном законе должны существовать нормы, защищающие строгую определенность действий подчиненных самодержавной власти властей, чтобы не допускать смут и замешательств» [4, с. 119].

Критикует Захаров и взгляды еще одного противника правовой регламентации власти – А. А. Киреева, который в одной из своих работ «Россия в начале XX века», видя, в какое неопределенное состояние пришла страна, и взывая к старым Земским соборам, указывал: «Мы пришли к распутью: мы должны избрать тот или другой путь – или опрокинуться в конституцию, в правовой порядок и погибнуть, перестать быть великою, святой Русью, или “вернуться домой”» [5, с. 141]. Стоит здесь указать и на еще одного критика конституций – С. Ю. Витте, который называл в статье «Самодержавие и земство» в 1901 году конституцию «великой ложью нашего времени». Захаров видит корень этого неприятия в интуитивном отторжении не подкрепленных исследованиями национального права западных конструкций. Решение проблемы видит он в закреплении в конституционных проектах оснований, «добытых из всего исторического развития народа» [4, с. 136]. В конституции должен быть отражен народный дух, народная вера. Самодержавие и конституция в его учении не исключают друг друга.

По мнению ученого, глубоко заблуждаются те правоведы, которые основывают свое понимание права на идее принуждения и грубой силы. Чем выше уровень культуры в государстве, тем меньше в праве принуждения. В тех государствах, где господствует право, нет места силе, а есть место высокому уровню психологического одобрения права и его верховенство, так как «все развитие культуры стремится к тому, чтобы силу заменить правом» [4, с. 153]. «Вместо силы существует другой принцип: правосознание ориентируется на принцип христианского учения об отношениях к ближнему, служит основанием для культурной жизни» [4, с. 154].

В учении Н. А. Захарова индивидуальное правосознание зависит от развития культуры: чем оно более развито, тем более оно связано и обусловлено христианскими нравственными нормами и ценностями. Ученый полагает, что договорная концепция конституции основывается на идее морального дуализма: «Дуалистическая конституция – является конституцией соотношения сил, известного соревнования и борьбы, и ошибочен взгляд на существование этого ревнивого дуализма в наших основных законах» [4, с. 154]. Ее единство и строго унитарный характер обусловлены целостностью суверенитета, неделимого и сосредоточенного в личности царя. Принцип согласия между царем и народом, построенного на общей нравственной системе понятий и ценностей, позволяет говорить о русской конституции как «унитарной», а не «дуалистической», конкурентной. Постепенно, полагает Захаров, элемент принуждения вообще исчезнет с дальнейшим развитием правовой культуры и правосознания.

Царская власть, несмотря на свой православный источник происхождения, в понимании Захарова, должна быть выше всех частных интересов и всех соединять в единое государство. Ученый симпатизирует словам С. Н. Трубецкого – «не царь дворян, не царь крестьян или купцов, не царь сословий. – а царь всея Руси», сказанным им 6 июня 1905 года перед Государем Императором, и отмечает: «Такая власть, стоящая выше каких бы то ни было классовых, сословных и фанатично-религиозных интересов, власть, руководимая в своих движениях целесообразностью и моральным чувством, не может не существовать в разнородном государстве как охранительница целостности политического общества» [4, с. 167]. Полагаем, что такой вывод о монархе мог сделать только христианин, так как христианский царь не может выступать в качестве обязывающего всех подданных к исполнению своей веры в силу глубинного уклада свободы в сердцевину христианского мировоззрения.

Всякое государство, по мнению Захарова, нуждается в существовании власти нейтральной, уравнивающей, располагающейся выше всех интересов и конфликтов. Эта власть, воплощающая в себе суверенитет, ограничивает себя внутренними импульсами пользы народа и целесообразности действий для государства.

Власть самодержавная главенствует в суде, законодательстве и управлении: «Самодержавие есть объединение всех стихий властвования в лице одного наследственного русского царя, олицетворяющего собой единую нераздельную Россию, охраняющего все ее исторические национальные традиции» [4, с. 324]. Это власть последнего решения, суть которого в неизменяемости и самостоятельности принятого акта, особенно важного в периоды затруднительные, исключительные.

Интересен вопрос о церковных полномочиях русского царя. Он в период начала XX века был носителем и органом высшей власти в Русской православной церкви, а его церковная власть считалась «частью или одним из направлений высшей государственной власти», согласно Е. Н. Темниковскому [7, с. 38, 40, 79–80]. Согласно Основным законам Российской империи, статье 64, Государь Император – защитник и хранитель догматов веры, и в этом смысле он есть глава Церкви, полагает Н. А. Захаров. В его задачи входит сохранение целостности и чистоты догматов православной веры. При этом, в отличие от Англиканской церкви, русский монарх не связан законодательным статутом, санкционирующим учение и обряды, изменять который без парламента невозможно. Исходя из того, что в России вся церковная власть носит характер управления, а не законодательства, русский царь признается и главой церковного управления. Так что русский царь был главой земной Церкви.

Литература

1. Захаров, Н. А. Курс общего международного права [Текст] / Н. А. Захаров. – Петроград, 1917.
2. Захаров, Н. А. Наше стремление к Босфору и Дарданеллам и противодействие ему западноевропейских держав [Текст] / Н. А. Захаров. – Петроград, 1916.
3. Захаров, Н. А. Система русского государственного права [Текст] / Н. А. Захаров. – Новочеркасск, 1912.
4. Захаров, Н. А. Система русской государственной власти [Текст] / Н. А. Захаров. – Репринт. изд. – Москва, 2002. – 390 с.
5. Киреев А. А. Россия в начале XX столетия [Текст] / А. А. Киреев. – Санкт-Петербург, 1903.
6. Смолин, М. Б. Энциклопедия имперской традиции русской мысли [Текст] / М. Б. Смолин. – Москва : Имперская традиция, 2005. – 447 с.
7. Темниковский, Е. Н. Положение Императора Всероссийского в Русской Православной Церкви в связи с

общим учением о церковной власти [Текст] / Е. Н. Темниковский // Юридические записки Демидовского юридического лица. – 1909. – Вып. 1.

8. *Тихомиров, Л. А.* Монархическая государственность [Текст] / Л. А. Тихомиров. – Санкт-Петербург : АО «Комплект», 1992. – 674 с.

9. *Шмитт, К.* Политическая теология. Сборник [Текст] / К. Шмитт ; пер. с нем. – Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 333 с.

References

1. *Zakharov, N. A.* Course of general international law [Text] / N. A. Zakharov. – Petrograd, 1917 [in Russian].

2. *Zakharov, N. A.* Our desire for the Bosphorus and the Dardanelles and the opposition of the Western European powers to it [Text] / N. A. Zakharov. – Petrograd, 1916 [in Russian].

3. *Zakharov, N. A.* The system of Russian state law [Text] / N. A. Zakharov. – Novocherkassk, 1912 [in Russian].

4. *Zakharov, N. A.* The system of Russian state power [Text] / N. A. Zakharov. – Reprint. ed. – Moscow, 2002. – 390 p. [in Russian].

5. *Kireev A. A.* Russia at the beginning of the XX century [Text] / A. A. Kireev. – St. Petersburg, 1903 [in Russian].

6. *Smolin, M. B.* Encyclopedia of the Imperial Tradition of Russian Thought [Text] / M. B. Smolin. – Moscow : Imperial Tradition Publ., 2005. – 447 p. [in Russian].

7. *Temnikovsky, E. N.* The position of the Emperor of All-Russia in the Russian Orthodox Church in connection with the general doctrine of church authority [Text] / E. N. Temnikovsky // Legal notes of the Demidovsky Legal Lyceum. – 1909. – Issue 1 [in Russian].

8. *Tikhomirov, L. A.* Monarchical statehood [Text] / L. A. Tikhomirov. – Saint Petersburg : JSC “Komplekt”, 1992. – 674 p. [in Russian].

9. *Schmitt, K.* Political theology. Collection [Text] / K. Schmitt ; translated from German. – Moscow : Canon-press-C : Kuchkovo Pole Publ., 2000. – 333 p. [in Russian].

Поступила в редакцию 06.02.2022

Received February 06, 2022